

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

Петр Николаевич Врангель происходил из дворян Петербургской губернии. Он родился 15 (27) августа* 1878 года в Ново-Александровске (ныне Заасай) Ковенской губернии на территории нынешней Литвы — здесь его отец исполнял должность мирового судьи. Семья баронов Врангелей — представители древнего дворянского рода — давно обруслена и приняла православие.

Откуда пошли Врангели? Петр Николаевич был отдаленным потомком датской ветви Тольсбург-Эллистфер рода Врангелей, известного с XIII века. Родоначальник рода Врангелей принадлежал к числу вассалов датского короля Вальдемара II (1202—1241). Он остался на военную службу в Эстляндии после первого завоевания ее датчанами. Это произошло при следующих обстоятельствах. В замке *Revele* (впоследствии город Ревель, ныне Таллин, Эстония) был поставлен в 1219 году датский гарнизон, во главе которого находилось известное число «мужей короля» (*viri regis*), и между ними значится *Dominus Tuki Wrang*. Его потомки звались сначала *de Wranghele*, *Wrangle*, а затем Врангели.

В роду Врангелей было семь фельдмаршалов, более тридцати генералов, семь адмиралов. В XVI веке род распался на 20 самостоятельных линий. Большинство его членов осело в Швеции.

* Как известно, в России вплоть до 1 февраля 1918 года использовался так называемый старый стиль (юлианский календарь), отстававший от нового стиля (григорианского календаря) в XIX веке на 12 дней, а в XX столетии — на 13. Однако в отличие от Советской России, перешедшей на новый стиль, в белогвардейских Вооруженных силах Юга России был сохранен старый. Поэтому все даты до ноября 1920 года включительно даются по старому стилю. В тех случаях, когда речь идет о событиях за пределами России или о действиях, предпринимаемых советской стороной, приводится двойная датировка. В последующем изложении, начиная с главы «Красный террор в Крыму», датировка дается только по новому стилю. Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примечания автора.

Прямые предки П. Н. Врангеля, по сведениям словаря Брокгауза и Ефона, принадлежали к третьей главной линии рода (состояла из одиннадцати ветвей), начавшейся с *Thiderius (Tile) Wrangle*, упомянутого в 1346 году в качестве советника датского короля в Эстляндии. Ее представитель, Герман Старший (1587—1644), в начале XVII столетия был шведским фельдмаршалом. Внук его, ротмистр (впоследствии полковник) Герман фон Врангель Младший (умер в 1675 году), владелец имений Эллистфер и Луде, 8 октября 1653 года грамотой шведской королевы Христины был возведен в баронское достоинство с дополнением «барон Люденгоф». Петр Николаевич являлся его потомком в седьмом колене.

Сын Германа Младшего, барон Георгий Густав (1662—1734), имел чин подполковника и был командиром полка в армии шведского короля Карла XII, а всего под его знаменами сражались 79 баронов Врангелей, 13 из них сложили головы в Полтавской битве в 1709 году и семеро умерли в русском плену. После перехода Эстляндии и Лифляндии в процессе Северной войны к России род баронов Врангелей был в 1733 году внесен в рыцарские матрикулы Лифляндии, а в 1746 году — Эстляндии. Внук и правнук Георгия Густава поступили на русскую службу: первый в чине майора, второй — поручика.

В России эту фамилию в разное время носили 18 генералов и два адмирала, в том числе знаменитый путешественник и полярный исследователь Фердинанд (Федор) Петрович Врангель. В 1870 году в русской армии служили четыре полных генерала и один адмирал с фамилией Врангель. В 1865 году баронский титул Врангелей из дома Эллистфер и Люденгоф был подтвержден в Российской империи высочайше утвержденным мнением Государственного совета.

В начале XX столетия русские линии рода Врангелей были самыми многочисленными — насчитывали 40 человек, на втором месте были шведские Врангели — 37 человек, а на третьем прусские — 11 человек.

Герб рода Врангелей представляет собой щит в серебре с черным укороченным стенчатым поясом (фрагментом крепостной стены) с тремя зубцами и серебряный кадочный шлем с двумя серебряными распахнутыми орлиными крылами, а над шлемом — такой же стенчатый пояс, как в щите, и девиз *Frangas non flectes* (Сломишь, но не согнешь).

Дед Петра Николаевича, Егор Ермолаевич Врангель, начал свою службу в лейб-гвардии Гренадерском полку, воевал с турками в 1828—1829 годах и подавлял Польское восстание в 1830—1831 годах, был ранен, награжден. Выйдя в отставку, он

женился на Дарье Александровне Рауш фон Траунберг, родной внучке Абрама Петровича Ганнибала. Александр Сергеевич Пушкин приходился ей троюродным братом. Егор Ермолаевич на гражданской службе дослужился до действительного статского советника*. Но главное — он стал успешным предпринимателем и нажил большое состояние, в том числе несколько имений.

Старший сын Егора Ермолаевича, Александр, будучи прокурором в Семипалатинске, познакомился с Ф. М. Достоевским, который после отбывания каторжных работ в Сибири был отправлен туда служить рядовым линейного батальона. Врангель хлопотал о присвоении Федору Михайловичу офицерского чина и об амнистии для него. Их дружба, которой не помешала даже значительная разница в возрасте (Достоевский был на 12 лет старше), продолжалась и после возвращения писателя из ссылки.

Николай Егорович (Георгиевич) Врангель (1847—1923) был, по современной терминологии, топ-менеджером. Биография его была весьма интересной. Отец оставил емуличное состояние, и он мог ставить на карту по 150 тысяч рублей. Николай перепробовал многие амплуа и постепенно из светского бездельника превратился в расчетливого дельца. Он учился в Швейцарии, а звание доктора философии получил в Гётtingенском университете. По возвращении в Россию Николай Егорович сочинил две драмы из эпохи Смутного времени: «Петр Федорович Басманов» и «Марина Мнишек», изданные в 1886 году, а спустя три года вышел в его переводе «Фауст» Гёте. Но литературное творчество было занятием для души, а зарабатывать деньги Николай Егорович стал благодаря своей деловой хватке.

Быть может, отец и брат героя нашего повествования унаследовали литературные таланты по пушкинско-ганнибаловской линии родства: Николай Егорович не только сочинял в молодости пьесы, но и оставил очень интересные и совершенные по стилю мемуары, а Николай Николаевич писал очень хорошие искусствоведческие статьи и удостоился за научные заслуги высшей награды Франции — ордена Почетного легиона. Да и сам Петр Николаевич не был лишен литературных способностей, о чем свидетельствуют его возвзвания, приказы и мемуары, хотя по части стиля последние и уступают деникинским.

Дочь Врангеля Наталья Петровна Базилевская вспоминала: «Наша семья не была очень богатой. У родителей отца бы-

* Чин IV класса по Табели о рангах. (*Прим. ред.*)

ла очень большая семья. А вот моя мать была богатой. Прадедушка имел большое имение в России, виноградные поля, чудный дом. Дедушка моей матери, Катков его фамилия, был известный издатель. Он печатал книги Достоевского, которому всегда давал деньги вперед, потому что тот был игроком. Дедушка всегда старался его поддержать... Так что наша семья была связана с Федором Михайловичем с двух сторон»*.

Наталья Петровна заблуждалась насчет имущественного положения своего деда по отцовской линии. На самом деле, хотя поместий и иного недвижимого имущества у Николая Егоровича не было, но человек он был весьма состоятельный, унаследовавший от родителей значительные капиталы. Правда, жизнь на широкую ногу и рискованные финансовые операции порой разоряли его, но всякий раз успешные бизнес-проекты позволяли восстановить и приумножить состояние. Как вспоминал его внук Алексей (Алексис) Петрович Врангель, «отца Петра Врангеля можно было назвать кем угодно, но только не солдатом: сибарит, повеса, знаток и любитель искусств, он являл собою полную противоположность своим предкам».

Мать Петра Николаевича, Мария Дмитриевна, урожденная Дементьева-Майкова (1858—1944), родилась в Санкт-Петербурге 5 апреля 1858 года. Она была фрейлиной императрицы Марии Федоровны, дочерью гвардейского ротмистра Дмитрия Дементьева-Майкова и родственницей известного поэта Аполлона Майкова. Тут тоже прослеживается некая связь с Пушкиным: дед Марии Дмитриевны по линии матери, С. Д. Полторацкий, был кузеном А. П. Керн, которой было адресовано пушкинское стихотворение «Я помню чудное мгновенье...».

Дочь Врангеля Наталья вспоминала о родителях: «Сейчас мне кажется, что они были идеальной парой. Познакомились на одном из балов. Моя мать была фрейлиной императрицы Марии Федоровны, а отец — офицером. Я ведь и на свет-то появилась в казарме. Между прочим, бабушка была категорически против, чтобы отец становился военным. Она хотела видеть его инженером. “Хорошо, я поступлю в Горный институт. Но, получив диплом инженера, пойду в военную академию”, — сказал отец бабушке. И так и сделал: вначале стал инженером, а потом — офицером...» Заметим, правда, что Ни-

* Здесь и далее цитаты адаптированы в соответствии с современными нормами русского языка, за исключением употребления прописных и строчных букв в названиях органов власти, должностей, чинов, полков и т. п., а также случаев, когда важны особенности авторского стиля. (Прим. ред.)

колай Егорович Врангель в мемуарах настаивал: родители не навязывали детям своего мнения в выборе профессии.

В июле 1877 года в Одессе произошло венчание будущих родителей Петра Николаевича. Николай Егорович вспоминал: «В Одессе после недолго длящейся помолвки я женился на молодой женщине, Марии Дмитриевне Дементьевой-Майковой, которая мне давно нравилась. Она была дочерью нашего недавно скончавшегося соседа по Терпилицам (имение Врангелей под Петербургом. — Б. С.). Мы устроили скромную свадьбу на английский манер».

Но вскоре финансовые дела Николая Егоровича пошатнулись — он подрядился поставить крупную партию сухарей для снабжения армии на Балканском театре боевых действий, но в связи с окончанием Русско-турецкой войны 1877—1878 годов сухари не понадобились. Врангель-старший писал: «Я был абсолютно разорен и оказался без денег, а у нас должен был родиться ребенок. Я надеялся, что смогу частично компенсировать потери за счет денег, которые должен был получить из казны за понесенные убытки. В день моего отъезда один мой хороший приятель прислал мне из Петербурга газету с моим полным именем в статье “Аристократы в роли участников нашего успеха”. К моему большому удовольствию, я узнал, что являюсь весьма богатым человеком. Я, оказывается, путем махинаций сумел обмануть казну на пять миллионов, снабжая армию отбросами вместо сухарей. Оставив жену в Москве в гостинице, я отправился в Петербург, чтобы завершить необходимые дела. Благодаря имеющимся у меня связям, мне удалось добиться быстрого расследования этого дела: оно было решено в мою пользу и закрыто. Комиссия, этим делом занимавшаяся, признала, что мои потери должны быть компенсированы. Было решено выдать мне сумму в пять тысяч рублей с копейками. Но хорошо было уже то, что дело не заняло годы и закончилось неописуемо быстро. “Связи” в России — это всё». Эти связи потом хорошо послужили его сыновьям, особенно Петру.

Разумеется, столь мизерная компенсация не покрывала миллионные убытки. Николай Егорович срочно должен был искать средства к существованию. Он вспоминал: «Покончив с сухарями, я вернулся со своей женой в Новоалександровск и возобновил свою деятельность мирового судьи. Мы решили, что после рождения ребенка я начну искать другое поприще. Помимо этого, после всех волнений и приключений мне хотелось отдохнуть и успокоиться. О моей неудаче я ни с кем не говорил. Тем более я был удивлен, получив вскоре после всех этих событий письмо от Чихачева, с которым никогда в пере-

писке не состоял. Он написал мне, что азовская контора Русского общества пароходства и торговли срочно нуждается в энергичном и умелом человеке на должность представителя общества, и спрашивал меня, не согласился бы я стать представителем компании в Ростове-на-Дону. Условия меня устраивали, я принял предложение и должен был начать работу через несколько месяцев. 15 августа 1878 года у нас родился мальчик, Петр... Вскоре после его рождения я подал в отставку и мы переехали в Ростов-на-Дону».

Николай Егорович получил хорошую должность, потому что протежировал ему близкий друг семейства Врангелей адмирал Н. М. Чихачев, возглавлявший РОПИТ.

В Ростове Врангели поселились на правом обрывистом берегу Дона в просторном двухэтажном кирпичном доме в Казанском переулке (сейчас это Газетный переулок, 8), фасадом выходившем на Донскую улицу.

Второй их сын, названный Николаем, родился 2 июля 1880 года уже в имении Головковка Чигиринского уезда Киевской губернии. Он стал видным искусствоведом, сотрудником Эрмитажа, являлся одним из создателей Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины. В Первую мировую войну Николай Николаевич был начальником военно-санитарного поезда и скоропостижно скончался от желтухи 15 июня 1915 года в Варшаве.

Наконец, в апреле 1884 года появился на свет третий ребенок, Всеволод. Его судьба сложилась трагически. Но о грядущих потрясениях тогда, естественно, никто не подозревал. Дети наслаждались щедрой южной природой. Родители их очень любили и предоставляли достаточно свободы, особенно отец. Николай Егорович вспоминал:

«Моя семья ни в чем не нуждалась. Детей, особенно очень маленьких, и не только моих собственных, но всех без исключения, я обожал. С самого их раннего детства я чувствовал к ним нежность, что, говорят, не вполне типично для мужчин. Для меня нет ничего восхитительнее, чем эти маленькие существа, с носами картошкой, похожие больше на китайское изображение бога, чем на обычных людей; они большее чудо, чем Венера Милосская, и лепят их для меня слаше бетховенской сонаты. Из-за любви к маленьким детям я почти прирожденная няня...

Я не вмешивался в детали их воспитания, ими занималась моя жена, но по основным принципам мы обычно соглашались, даже если и расходились в деталях. Жена верила в существование некой педагогической мудрости. Я же в этом отношении нигилист, я против активной инициативы, но за

пассивную защиту. Детей нельзя тренировать, как тренируют собак. Их надо защищать, всё, что опасно для них, надо держать от них подальше, дать им возможность расти в здоровой атмосфере — это самое главное. На них нельзя действовать нравственными приказаниями, нельзя угнетать их, а действовать на них можно примером, и только примером. Сказать ребенку “не лги”, “работай”, “не оскорбляй других людей” и в то же время лгать самому, ничего не делать и быть грубым с окружающими ни к чему хорошему не приведет. Ребенок перестанет вас уважать и будет смотреть на вас как на простого болтуна. До некоторой степени мы все результат нашего окружения, и ребенок — больше всех. Окружающая обстановка делает людей хорошими или плохими. Воспитание только позволяет детям усвоить, как следует вести себя, и дает знания и мастерство. Смысл воспитания — утвердить в ребенке помимо всего прочего два кантовских императива: “Человек должен выполнять свои обязательства” и “У человека нет права нарушать права других людей”. Если эти две концепции станут частью существа ребенка и войдут в его кровь, смысл и цели воспитания можно считать выполненными. Ребенок станет человеком. На это можно возразить, что это все старые истины; найдутся и такие, которые скажут, что это не более чем заблуждение. Можете относиться к этим максимам как хотите, но подумайте над этим вопросом, это очень важный вопрос. Будущее человечества и вашей родины в их руках...»

Однажды Николай Егорович застал сыновей дерущимися. Оказалось, что, когда они «ловили рыбу» на полу, один из них занял место другого — считал, что там «клев» был лучше. Отец посоветовал им помириться, сказав, что можно поровну поделить пойманную рыбу. К этому совету они отнеслись благосклонно, и мир был восстановлен. Рыбалка на полу комнаты казалась им совершенно реальной. На следующий день отец увидел их за тем же занятием.

«Ну как рыба? Клюет?

— Ничего, — ответил один из них. — Не так хорошо, как вчера, но ничего. Сегодня, наверно, будет дождь».

В общем, дети Врангелей беспечно жили в достатке и не были стеснены излишней опекой родителей и нянь. Никто не навязывал им с младых лет карьеры офицера или врача, музыканта или финансиста. У них всегда оставалась свобода выбора своей судьбы. Николай Егорович вспоминал:

«Дети росли, старшие учились, ходили со мной на охоту, готовили своего младшего брата к школе. Нужно было думать о будущем. Мы не замечали в них никаких особых способностей или склонностей, хотя мы, как все родители, искали в на-

ших детях какие-нибудь необыкновенные способности. У моего старшего сына была одна бросающаяся в глаза способность — быть верховодом над маленькими мальчиками и девочками и подчинять их своей воле. Другой сын любил дрессировать котов, получалось у него замечательно, и он мог бы, наверно, стать соперником известного Дурова.

Маленький Вова (так дома звали Всеволода. — Б. С.) хотел стать драматургом. Не уставая, он придумывал бесконечные и очень смешные сценки для своего театра. Но все это не могло стать основой для будущего. И мы согласились, что ничего решать заранее не нужно, а нужно предоставить детям возможность пройти школу действительности и предоставить самой жизни указать им путь. Придя к этому выводу, мы перестали говорить о переезде в Петербург из-за школы для детей и остались, по крайней мере на время, в Ростове, с которым были связаны наша работа и полюбившиеся нам занятия и увлечения. Моя жена с энтузиазмом занималась школой, которую основала: это была первая воскресная бесплатная школа для взрослых, в которой училось больше 1000 человек. Меня же всё сильнее и сильнее захватывали общественные дела. Я был директором и председателем многих комитетов и учреждений и постепенно становился, в полном смысле слова, активным общественным деятелем. Желание видеть меня во главе города выражалось всё громче и чаще, и я готов был и хотел занять это положение, даже если для этого должен был бы отказаться от личных интересов!»

Братья усвоили заветы «не лги», «не оскорбляй», «береги честь смолоду», но, с другой стороны, не привыкли долго и напряженно работать, что сказалось на их учебе в реальном училище. Однако, повзрослев, и Петр, и Николай взялись за ум и продолжили образование гораздо усерднее.

Николай Егорович вспоминал, что в Ростове летом было необыкновенно жарко и его жена с детьми на лето переезжала на дачу, которая находилась в двух часах езды от Ростова на реке Качальник. Мемуарист рассказывает о дачной жизни:

«Я отправлялся туда на субботу и воскресенье. Мы купались в речке, ловили рыбу и однажды поймали громадного краба, который и жил только в этой реке. Иногда мы ездили на охоту и тогда проводили ночь под открытым небом.

С крестьянами-хохлами мы жили ладно. Они приходили ко мне за советом, поручали мне как почетному мировому судье решать третейским судом их тяжбы; к жене обращались за медицинской помощью, предпочитая, как все русские простолюдины, лечиться у “барыни”, чем у заправских докторов.

В день именин жены и детей устраивались театральные

представления, на которых мальчики и их товарищи из города были актерами. Праздник обыкновенно заканчивался угощением деревни и фейерверком».

К одному из таких праздников Петру сшили костюм чертика из лохматой черной материи, облегавший его с ног до головы. У чертика были рога и длинный красный язык. По воспоминаниям отца, Пете особенно понравился длинный хвост на проволочном каркасе с кисточкой на конце, который можно было поднимать трубой, дергая за веревочку. С этим костюмом связана забавная история. Вот как ее описал Николай Егорович: «В этом необычайном наряде, которого еще никто не видел, он отправился в поле, где не наши, а незнакомые хохлы косили хлеб. Увидев воочию самого “биса”, хохлы бросились бежать. Бис с диким ревом понесся за ними, то взвивая хвост крючком, то волоча по земле. К несчастью, хвост за что-то зацепился и оторвался. Видя врага, лишенного столь существенного и страшного украшения, хохлы набрались храбрости и в свою очередь с косами в руках перешли в наступление. Теперь уже бис пустился наутек. На крик людей мы выскочили на двор и увидели страшную и комическую картину. По полу во все лопатки несся черт, то внезапно останавливалась и с диким ревом бросаясь в контратаку на врагов, которые снова, объятыые ужасом, отступали, то, выиграв этим время, вновь мчался по направлению к дому. И опять гнались за ним, и опять контратака и отступление. Уже вывели лошадей, чтобы скакать на выручку, когда ловкий бис явился цел и невредим».

Мемуары Н. Е. Врангеля были впервые изданы за границей после его смерти, в 1924 году. Если бы эпизод с чертом стал известен красным пропагандистам еще в период борьбы за Крым, возможно, «черного барона» на советских плакатах изображали бы в виде черта.

С ранних лет отец брал детей на охоту. Николай Егорович был страстным охотником, но не очень метким стрелком, чистенько сгоряча мазал; по его собственному признанию, «мальчики, к их великой гордости и моему конфузу, вскоре меня заткнули за пояс, особенно Петр».

Особенно нравилась Врангелю-старшему охота в предгорьях Главного Кавказского хребта, на которую он брал с собой детей: «У ваших ног расстилается безгранична зеленая равнина, на фоне виднеются снежные вершины недоступных гор. Кругом таинственные леса стройных чинар, бук, ветвистого черного дуба. Охота окончена, сумерки спускаются на землю. Лежа на бурке, вы глядите, как на небе одна за другой зажигаются звезды... Ярче и ярче пылает костер. Черкес, подвернув непонятным для вас образом под себя ногу, на шомполе жарит

шашлык... Утих смех, шум, говор загонщиков... “Дид”, пластиун*, начинает рассказ о походах, о былых лихих набегах на аулы, которые вдали там, точно орлиные гнезда, юятся на каменных утесах, о том, как их деды и отцы бились и умирали в боях. Джигит с Георгиями на рыжем бранном бешмете вспоминает, как недавно ходили за “бурный Каспий”, в далекие “афганские страны”. Он смолк. В огонь набросали валежник, теснее сплотились у костра... Лагерь засыпает. Лишь треск пылающих сучьев нарушает тишину... Плавно всплыла луна, таинственным светом освещая долину... Вполголоса мягким баритоном запел молодой казак. Товарищ робко ему вторит. Подтягивает вполголоса сперва один, другой, третий... Песнь крепнет, растет, ширится... Мощным стройным хором поют казаки».

Быть может, наслушавшись этих рассказов о недавних походах и боях, будущий главнокомандующий Русской армией решил, хотя и не сразу, выбрать военную карьеру. Позднее, в Гражданскую, Петру Николаевичу пришлось воевать в тех же кавказских предгорьях, только не против турок или афганцев, а против русских же людей, казаков-кубанцев и горских джигитов (и те и другие участвовали в противостоянии с обеих сторон).

Впоследствии Врангель любил повторять, что вырос среди донских казаков и народ, дескать, знает очень хорошо. Но в действительности что с казаками, что с «хохлами» (иногородними) отношения у Врангелей складывались так, как они складываются между господами и слугами. Слуги стараются угодить барам, чтобы получить от них чаевые, но в душе ненавидят их за богатство, за то, что приходится прислуживать, а порой и пресмыкаться перед ними. Разумеется, вида они не показывали, но в революцию эта необъяснимая для Петра Николаевича ненависть прорвалась сполна. Он сам чуть не стал ее жертвой в Ялте.

По свидетельству В. фон Дрейера, Петр Врангель был мальчиком с прямым, но чрезмерно вспыльчивым характером. Первоначально дети Николая Егоровича получали домашнее образование. 6 августа 1892 года Петр Врангель поступил в Петровское реальное училище в Ростове и за два года окончил полный курс по основному отделению. Учился он средне, высшие оценки получил только по немецкому и французскому языкам. Закон Божий, историю, черчение, алгебру и тригонометрию будущий инженер и полководец освоил на

* Пластун — пеший казак из особой команды, несшей сторожевую и разведывательную службу. (Прим. ред.)

«посредственно». Вероятно, поступление не в гимназию, а в реальное училище было обусловлено тем, что отец изначально предполагал, что старший сын должен стать инженером, что облегчило бы ему последующее вхождение в бизнес.

Младший сын Николай учился еще хуже, чем Петр. К 1897 году он окончил шесть классов реального училища, но из-за неуспеваемости не был допущен к заключительным экзаменам. Зато летом подросткам было раздолье — они проводили каникулы в принадлежавшем отцовской семье небольшом имении в Смоленской губернии, недалеко от Ясной Поляны.

К младшему сыну в семье было особое отношение. Врангель-старший писал в мемуарах:

«Мне сдается, что я любил всех своих детей одинаково в смысле интенсивности. Говорю “сдается”, потому что измерять чувства способа нет, но любил с разными оттенками. Младшего Вову (Всеволода) оттого ли, что он был самый маленький, из причины ли, о которой сейчас скажу, — какой-то болезненной, опасливой любовью.

Однажды, когда ему было около двух лет и он с матерью и няней гулял на улице, к ним подошел известный всем в городе Ростове дурачок “юродивый” и погладил малютку по головке.

— Не нудь его, не неволь, — сказал он жене, — проживет только девять лет.

Словам идиота придавать значение, конечно, глупо. Но глупо или нет, они болезненно отзывались в душе. Особенно на мать они произвели неизгладимое впечатление».

Отец подробно описал в мемуарах постигшую семью трагедию — в 1895 году умер одиннадцатилетний Вова (Всеволод):

«Однажды, после возвращения из одной из наших охотничих экспедиций, меня вызвали в Петербург, где я пробыл дольше, чем собирался. Когда я вернулся, я застал младшего сына в постели.

У него был дифтерит. К счастью, опасность уже миновала, но ребенок был не тот, каким я его оставил. Веселый, жизнерадостный мальчик затих, ушел в себя.

Почувствовав детским инстинктом нашу тревогу, он старался казаться веселым, шутил, смеялся... но мы понимали, что от этого напускного веселья веяло ужасом смерти.

Видели ли вы цветущего, жизнерадостного ребенка, всем своим существом рвавшегося жить, которому ясно, что он должен умереть?

Долгие дни, нескончаемые ночи он говорил о том, как счастлива была его жизнь, как сладко жить, как весело играть, бегать в саду, о том, что скоро ни его, ни жизни, ни сада — больше не будет.

Видели ли вы ужасом объятого ребенка, умоляющего отца не позволить страшному старику его схватить?

Слыхали ли вы последние распоряжения умирающего малыша? Обсуждение, кому какие передать игрушки, просьбы беречь его никому уже не нужную няню, не плакать, когда в яму его зароют черные люди, не бросать его картонных актеров...

Мы этот ужас пережили... На другой день после его похорон мы поехали на кладбище. На свеженасыпанной могилке сидел юродивый и играл камешками.

— Тут, тут наш ангелочек, — радостно улыбаясь, сказал он.

И мы с ужасом вспомнили то, что ровно девять лет тому назад предсказал он матери».

Петру тогда было уже 15 лет. Не приходится сомневаться, что он был потрясен смертью младшего брата, которого горячо любил. Быть может, с тех пор Петр Николаевич начал верить в предсказания и в судьбу. Как знать, не увидел ли Николай Егорович в этой несправедливой, оглушающей смерти и в сбывающемся пророчестве юродивого предзнаменование тех кровавых потрясений, что ждали Россию в начале XX века? А его старшему сыну еще предстояло повидать на своем веку сотни, тысячи убитых. Но наверняка именно первая смерть, да еще столь близкого человека и в столь юном возрасте, сильнее всего потрясла его. И, быть может, как раз гибель Всеволода ожесточила Петра, и он уже спокойнее воспринимал людские жертвы и без больших душевных мук проливал кровь как внешних врагов — японцев, австрийцев, немцев, так и соотечественников, с которыми пришлось схватиться в Гражданскую войну.

(Много лет спустя, во время борьбы с красными на Северном Кавказе, Петру Николаевичу довелось встретить казачонка, почти ровесника покойного брата Всеволода, который ходил убивать прятавшихся в плавнях большевиков и уже убил семь человек. Наверное, Врангель был особенно потрясен этой встречей, потому что живо представил на его месте Всеволода.)

Врангели с детьми уехали в Петербург в 1895 году, вскоре после смерти младшего сына. В начале года Николай Егорович оставил свою должность в РОПИТе, но его связь с Ростовом не прерывалась еще несколько лет. В мае 1897 года его выбрали в гласные городской думы. В сентябре он баллотировался на пост ростовского городского головы, проиграл выборы во втором туре, но с очень достойным результатом — 22 голоса против тридцати шести, особенно если учесть, что он постоянно жил не в Ростове, а в Петербурге. Только в январе 1899 года Врангель-старший сложил с себя обязанности депутата городской думы, которая вынесла ему благодарность «за полезное для общественных интересов сотрудничество».

Тем временем Петр Врангель поступил в 1896 году в Горный институт императрицы Екатерины II в Петербурге. Не чурался он и светских мероприятий, будучи, по мнению его однополчанина А. А. Игнатьева, едва ли не единственным студентом технического института, принятым в высшем обществе. Можно не сомневаться, что высокий красавец (рост Врангеля был 1 метр 93 сантиметра), стройный, чернобровый, с породистым лицом, пользовался успехом у дам. Но мы ничего не знаем о его романах ни до женитьбы, ни после. Быть может, их и не было, ведь Петр Николаевич был очень верующим человеком.

В Петербурге Врангели поселились в роскошной квартире на Бассейной улице, 27, наполненной предметами искусства, коллекционированием которых вдохновенно занимался Николай Егорович. Он вспоминал: «Вся наша квартира состояла исключительно из старинных вещей прошлых столетий, собранных после многих поисков, и находка каждой была целим событием, памятной радостью прошлого. Как восторгался покойный сын (Николай. — Б. С.) зеркалом времен Людовика XVI! Как забавна была покупка этого причудливого елизаветинского стола. Какому странному случаю я обязан этим венецианским старинным ларцом. Все вещи были старые друзья, редкие друзья, которые никогда ни разочарований, ни горечи не причиняли». В годы революции и Гражданской войны всё это пришлось распродать за бесценок, чтобы не умереть с голода.

В столице Николаю Егоровичу вскоре удалось освоиться в финансовых кругах. По службе в РОПИТе он был давно знаком с С. Ю. Витте, ставшим в 1892 году министром финансов. Тот свел барона со своим ближайшим сподвижником, директором Петербургского Международного коммерческого банка А. Ю. Ротштейном. Врангель возглавил правление Российского золотопромышленного общества. Поскольку общество владело почти всеми акциями Амгунской золотопромышленной компании и большим пакетом акций общества «Лена Голдфилдс», то Николай Егорович в первой стал председателем, а во втором — членом правления. Он также возглавлял правление Товарищества спиртоочистительных заводов и был членом правлений «Биби-Эйбатского нефтяного общества» в Баку и Российского электрического общества «Сименс-Гальске». Во всех этих компаниях значительный капитал принадлежал Ротштейну.

Это было время промышленного подъема. В России как грибы росли акционерные общества и синдикаты, на волне благоприятной конъюнктуры в одночасье возникали миллионые состояния. Особенно бурно этот процесс шел в желез-

нодорожном строительстве, нефтяной, металлургической, угольной и золотодобывающей отраслях промышленности. Мы не располагаем точными данными о размере состояния Врангеля-старшего, но, судя по тому, что Николай Егорович имел акции золотопромышленности и нефтяной промышленности, оно вполне могло быть миллионным, хотя и на порядок уступало состоянию Ротштейна.

Художник и искусствовед А. Н. Бенуа в мемуарах дал такое описание внешности Н. Е. Врангеля: «Это был высокого роста господин с крупными чертами лица, с едва начинавшей седеть бородой, недостаточно скрывавшей его некрасивый рот. Мясистые губы его сразу же бросались в глаза своим сероватым цветом и сразу выдавали арабское или негритянское происхождение». По словам Бенуа, однажды на банкете, устроившемся покровителем Врангеля-старшего, банкиром Ротштейном, сосед Николая Егоровича принял того за бразильца.

Бенуа оставил и портрет второго сына Николая Егоровича, Николая Николаевича, которого близкие звали просто Кокой: «Что-то арабское было и в Коке; и не только в смуглости лица и каком-то своеобразном блеске глаз, но и в сложении, во всей его повадке, в его чрезвычайной живости и подвижности, в чем-то жгучем и бурном, что сразу проявлялось, как только он чем-либо заинтересовывался».

Любовь к коллекционированию, как и многое в этом семействе, началась еще с деда, Егора Ермолаевича Врангеля. После его смерти сын унаследовал часть отцовского собрания предметов искусства. Тогда же и у него обнаружилась склонность к собирательству. Николай Егорович пишет в мемуарах, что еще в Вильно «скупал редкие персидские ковры».

Однажды на знаменитом антиквариатом петербургском Александровском рынке Н. Е. Врангеля встретил художник М. В. Добужинский и в воспоминаниях оставил замечание: «Длинный, с моноклем — Врангель-отец, вечно копающийся в старом хламе в поисках жемчужин».

Николай Егорович покупал картины, миниатюры, старинную мебель, фарфор — благо, средства позволяли. После революции он с грустью описал конец своей коллекции:

«Особенно бойко шла торговля старинными вещами. И хотя заграничные антиквары скоро перестали приезжать, спрос являлся громадный. И чем дальше, тем больше цены росли, но странное дело, только на неважные средние, даже худые вещи. На действительно хорошие — покупателей совсем не было.

Я тоже распродавал свои картины и предметы искусства, собранные мною с такою любовью в течение полстолетия. Наша квартира, с женитьбой старшего и смертью младшего сына

ставшая для нас обоих слишком обширной, но которую мы сохраняли, чтобы не расстаться с вещами, нам дорогими, теперь походила на складочное место. В несколько комнат, для ограждения от уплотнения, я перевел секретариат и бухгалтерию Нефтяного общества, и вещи из этих комнат теперь беспорядочно наполняли остальные. В большой гостиной под картинами известных мастеров, хрустальной люстрой XVIII столетия, рядом с мебелью эпохи Возрождения сложены были кули с картофелем, который мы с трудом раздобыли. Комнаты, за исключением спальни жены и моей рядом, не топились. И дрова были на исходе, и людей не хватало. Дворников уже не было, часть наших людей уже нас оставила. Весь дом был заледенелый, так как никто из соседних жильцов не топил.

И вещи упłyвали одна за другую, и с каждой вещью упłyвала часть целого прошлого... И теперь эти друзья уносились враждебными дикарями, которые даже их прелести постичь не могли».

Кстати сказать, среди картин был и прекрасный портрет Петра Николаевича, очень точно запечатлевший его черты.

Николай Николаевич Врангель стал профессиональным искусствоведом, редактировал журнал «Аполлон» и опубликовал многочисленные материалы о неизвестных широкой публике мастерах, произведениях искусства. Среди основных его трудов можно назвать «Искусство и государь Николай Павлович», сборник «Венок мертвым», включающий статьи «Романтизм в живописи Александровской эпохи и войны 1812 года», «Иностранные художники в России», «Русские женщины в искусстве», «Любовная лирика XVIII века». Творения художника О. Кипренского, скульптора И. Мартоса, архитектора К. Росси, в начале XX века неизвестные, полузабытые или непризнанные, стали хрестоматийными во многом благодаря исследовательской работе Николая Николаевича.

А Петра Николаевича искусство не привлекало. Его ждала совсем другая стезя.

НАЧАЛО СЛУЖБЫ

В 1901 году Петр Врангель завершил обучение в Горном институте императрицы Екатерины II в Петербурге. Учеба давалась ему легко, особенно увлекала минералогия. Врангель окончил институт с золотой медалью, но не воспользовался статусом горного инженера, который давал освобождение от военной службы. Для прохождения обязательной воинской службы Петр Николаевич 1 сентября 1901 года поступил воль-